

94(571.16)»189/192»:(=1.510)

К.К. Клипка

КИТАЙЦЫ В г. ТОМСКЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается вопрос появления и положения китайских подданных в городе Томске. Выявляются факторы, оказавшие влияние на их появление, численность китайцев, отношение с местными властями и населением, а также их социокультурная адаптация. Рассматриваемый период охватывает преимущественно ситуацию, сложившуюся во время существования Томской губернии (1804–1925 гг.). Затрагивается также характер российско-китайских отношений XVII–XX вв., а также роль г. Томска в установлении первых официальных контактов с Китаем.

Ключевые слова: китайская диаспора, китайская община, китайцы в Западной Сибири, китайские подданные в г. Томске, российско-китайские отношения в Томской губернии.

Развитие межкультурных, экономических, политических и образовательных отношений между Россией и Китаем в последние двадцать лет привело к росту численности китайцев в России. Такой рост обычно называют миграцией. В свою очередь, постоянно возрастающая китайская миграция приводит к актуализации изучения этого вопроса и поиска эффективных механизмов регулирования миграционных потоков между двумя странами. Именно поэтому данный вопрос вызывает активный интерес у научной общественности в наши дни.

В настоящее время уже имеется ряд исследований по данному вопросу. Особое внимание стоит уделить работам В.Л. Ларина [1], В.Г. Дацышена [2]. Интерес к этой проблематике не обошел и Западную Сибирь. Например, рассматривает историю китайской миграции в Сибири В.С. Бойко [3], М.А. Рыбак [4], О.В. Локшина [5].

Тем не менее вопрос китайской миграции в Сибири до сих пор остается на стадии сбора и обобщения эмпирического материала. Остается и много «белых пятен». И если китайская миграция активно изучалась и изучается на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, то в Западной Сибири этими вопросами стали заниматься совсем недавно.

Одной из слабо изученных проблем является история китайской диаспоры в г. Томске. Проблема заключается в том, что в исследованиях по китайской миграции в Западной Сибири лишь иногда встречаются упоминания о китайцах в г. Томске. Комплексные и обобщающие работы на заданную тему, к сожалению, отсутствуют. Между тем данная тема представляет не меньший интерес для исследования.

История взаимоотношений г. Томска с Китаем уходит вглубь веков. В XVII в. впервые были установлены первые официальные контакты с Китаем. Небольшой вклад в их становление внесли

томские казаки, а также отчасти и сам г. Томск, который первоначально играл роль отправной точки для экспедиций к Алтын-хану (Западная Монголия) и в Китайское государство. Томские казаки время от времени получали сведения о Китае, либо через соседей, либо напрямую. А в г. Томске частично или полностью формировались первые экспедиции в Китайскую империю или в Западную Монголию к Алтын-хану, через соседей собирались сведения о военном положении в Китае, здесь же принимали монгольские и тибетские посольства, доставлявшие сведения о Китае.

Такое положение было не случайным. Дело в том, что установление первых официальных контактов с Китаем велось через Западную Сибирь. А в качестве нового элемента внешней политики Российской империи в XVII в. стали выступать установление и расширение связей с государствами Средней Азии, Монголией и Китаем. Следствием такой политики стало движение России на восток через Сибирь. Она активно начала осваиваться, ее территории начинали постепенно заселяться. Был создан также ряд укреплений и поселений, в том числе был основан г. Томск. В дальнейшем делались попытки исследования местностей к югу от г. Тобольска и г. Томска, т.е. попытки разведать пути в Монголию и Китай [6].

В итоге, географическая близость г. Томска к владениям Алтын-хана привела к тому, что через Томск первоначально стали отправлять экспедиции в Монголию для сбора сведений о Китае и поиска маршрута в Китай. Уже в 1608 г. по указу В. Шуйского на поиски Алтын-царя и Китайского государства были отправлены томские казаки М. Кутын, Ф. Ходекин и переводчик Г.М. Литвин во главе с И. Белоголовым. А в 1616 г. на поиск китайской земли были отправлены через г. Томск посольства Т. Петрова и В. Тюменца [6]. В 1617 г. планировали отправить посольство М. Трубчани-

нова через г. Томск в Китай. Однако оно так и не было отправлено. Главой первой экспедиции в Китай был назначен томский казак И. Петлин. 9 мая 1618 г. И. Петлин и А. Мадов с казаками выехали из Томска. 1 сентября того же года они прибыли в Пекин, где пробыли 4 дня [6]. После похода И. Петлина контакты томских людей и Томска с Китаем и Монголией не прекратились. Сведения, собранные И. Петлиным о Китае, манили туда все новых и новых людей. В 1619 г. для поездки в Китай через Томск снова планировали отправить посольства В. Тюменца и А. Шарыгина. В 1631 г. к Алтын-хану был послан сын томского боярина Казый Карякин. В 1635 г. томский сын боярский Лука Васильев и казак Семен Щепеткин пытались получить разрешение на поездку в Китай. В августе 1637 г. к Алтын-хану из Томска были отправлены Степан Александров (Гречанинов) и подъячий Андрей Самсонов с толмачом и семьей казаками. В 1641–1642 гг. конный казак Емельян Вершинин совершил поездку через г. Томск в Китай [6].

В Томске бывали также послы Алтын-хана, которые сообщали сведения о Китае. Например, в 1631 г. в Томске был принят посол Алтын-хана бакши Байгала Байсаев. В 1637 г. томскими воеводами с почестями было принято посольство от Алтын-хана, ламы Даин Мерген-ланзы и брата Гомбо Эрдени Дурал-табунанга. В 1637 г. с посольством в Томск, а затем в Москву приезжал брат тибетского ламы Даин Мерген-ланзы. В 1645 г. в г. Томск прибыло посольство Алтын-хана ламы Тархана. Посол привез грамоту Алтын-хана царю Михаилу Федоровичу [6].

В XVII в. китайцы в г. Томске еще не проживали. До середины XIX в. русско-китайская граница в Восточной Сибири для китайских подданных вообще была закрыта Россией, поэтому посещение китайцами Сибири свелось к минимуму [7].

Однако ситуация изменилась с образованием Томской губернии в первой половине XIX в. С юга и юго-востока Томская губерния граничила с Цинской империей, которая была многонациональным, созданным и управляемым маньчжурами государством [8]. В 1691 г. в ее состав вошла Северо-Западная Монголия, а впоследствии и сам Китай [8].

2 ноября 1860 г. Пекинский договор установил границу на юге Алтайского округа. В сентябре 1864 г. был подписан Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы, которая обозначала пограничную линию в Томской губернии. В нем же утверждались и официальные отношения с томским губернатором [9].

С размежеванием границы появились и соответствующие взаимоотношения по охране и проверке пограничных знаков. Для охраны границы с китайской стороны протянулась линия пикетов: Урыл, пограничный столб Уландабы, Табуты, Укек, Суок, Как-нор, Юстыд, Бикон Бира, Чингистай [10. Л. 8]. Ежегодно томским губернатором для проверки пограничных знаков назначался чиновник [11. Л. 2].

Но более важным было то, что Русско-китайским договором 1860 г. также был открыт доступ для китайцев на российские территории [7]. Вместе с тем граница являлась фактором приграничной торговли. Уже в конце XVIII в. в Западной Сибири (на Алтае) зародилась Бухтарминская торговля, которой в начале XIX в. активно занимались купцы Томской губернии. Несмотря на то, что торговля развивалась, в 1839 г. Бухтарминская таможня была ликвидирована [12. Л. 5]. Однако в последующие годы активное развитие в Томской губернии получила Чуйская торговля. Эта торговля велась с Северо-Западной Монголией преимущественно в г. Кобдо и г. Улясутае [13. Л. 115]. И хотя Западная Монголия относилась к застенному Китаю, а на ее территории в основном проживали монголы, однако здесь были и выходцы из Китая: китайцы, маньчжуры, солдаты, а также китайские чиновники и военные. Они жили как раз преимущественно в г. Улясутае и Кобдо, и их численность составляла около 5 тыс. человек [14].

После принятия Правил русско-китайской торговли в 1862 г. большая часть китайцев перенесла свою деятельность на территорию России. Именно поэтому китайские торговцы стали проникать вглубь Томской губернии и в г. Томск. Например, уже в 1867 г. два китайца отправились торговать в Томск [7].

Определить же точное количество проживавших в г. Томске китайцев в XIX в. довольно сложно, так как особым учетом китайцев в то время никто не занимался. Минимальные сведения на этот счет предоставляет первая Всеобщая перепись населения 1897 г. В ней есть данные о том, что в Томске жили 4 китайца, а 2 китайца проживали в Томском округе [8]. На самом деле в губернии их было больше, так как перепись не включала временно пребывавших иностранцев. Тем не менее в Томске присутствие китайских подданных в конце XIX в. являлось редкостью. В самом городе в этот период они исчислялись единицами.

Увеличение численности китайцев в Томске в то время сдерживал указ томского губернатора Лерхе, который в 1864 г. при посещении Кош-

Агача, руководствуясь правилами Пекинского договора, приказал китайским чиновникам, торговцам и подданным прибывать в Томскую губернию только с видами от своего начальства. После этого китайские подданные появлялись в губернии все реже [13].

Повлиял на ситуацию и указ губернского правительства о запрещении иностранцам переезжать из одной губернии в другую [15. Л. 2]. В начале XX в. миграция китайских подданных из других губерний и городов в Томск будет основным источником роста численности китайцев в городе.

В начале XX в. в России возросла численность китайских мигрантов, а вместе расширилась и география их присутствия. Строительство Транссиба облегчило доступ китайским рабочим в отдаленные от границы районы Сибири. Среди прибывших в Россию иностранцев китайцы занимали уже третье место после персидских и австро-венгерских подданных. Согласно таможенным сведениям, через азиатскую границу за 1906 г. из Китая в Россию прибыло 60662 чел., а в 1907 г. – 81961 чел. [7]. Рост численности китайских подданных наблюдался и в г. Томске.

В архивных источниках можно найти сведения об их присутствии в указанный выше период. Например, в одном из отчетов местной полиции упоминается арест трех подданных Квантунской области (в 1899 г. Китай передал ее России), которые были фокусниками. Жили они в съемном доме на Московском тракте [16. Л. 14]. 5 марта 1904 г. военная охрана Сибирской железной дороги произвела задержание двух китайских подданных Лиу-пау-во и Вань-ша-сы, направлявшихся в Томск, чтобы передать письмо соотечественнику. Один из них был фокусником, к тому же, по видимому, знавший пиротехнику, так как при обыске у него было найдено несколько золотников пороха и свертки бумаги для зажигания при исполнении фокусов. Кроме того, у них было обнаружено запечатанное письмо, написанное по-китайски, которое они должны были передать кому-то в Томске, и записанная книжка. Один из задержанных китайцев вызвал подозрение в шпионаже, так как, по мнению одного из сотрудников военной охраны, он был больше похож на японца и хорошо владел русским языком. В конечном итоге оказалось, что в книжке ничего подозрительного не было. Именно поэтому их решили освободить и отправить в Томск, куда они и следовали. Тем не менее за ними было установлено наблюдение [17. Л. 1]. Имеются также сведения о 7 китайских подданных (Кхан-ю, Фе-ю, Цан-фу-тай, Чан-инь, Лиу-фу, Яун-кфи и Ю-ли), которые при-

были в Томск в сопровождении жандармского унтер-офицера Федорова с конвоирами со станции Тайга [17. Л. 8]. В апреле 1904 г. китайский подданный Ле-хин-шен, не имевший при себе русского билета, был отправлен в Томский губернский тюремный замок отбывать наказание [17. Л. 12]. 30 марта 1904 г. полицейский чиновник 3-го участка Томска арестовал 12 японских и китайских подданных [17. Л. 10]. 16 марта 1904 г. китайские подданные Ван-ли, Фуши-тай, Лю-цей, проживавшие в г. Томске по Московскому тракту в доме Кузнецова и работавшие фокусниками, были задержаны, несмотря на то, что при обыске их квартиры ничего подозрительного в ней не было обнаружено [17. Л. 14]. В г. Томске в 1904 г. также проживал китайский переводчик Ван-ху-син на ул. Миллионной (ныне пр. Ленина), д. 12 [17. Л. 7].

Вообще китайское присутствие в начале XX в. стало заметно во всех городах и уездах. Свою деятельность разворачивали в этот период не только китайские торговцы, но и чернорабочие, ремесленники, прачки, лекари, артисты и прочие [7]. В г. Томске китайцы в это время исчислялись уже десятками.

Тем не менее во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. часть китайцев добровольно покинула Сибирь, другая же часть китайских мигрантов была принудительно депортирована вместе с японцами и корейцами [7]. Однако после Русско-японской войны они часто приезжали в Томск на жительство. Например, в 1909 г. на ул. Мухинской (ныне ул. Сибирская), д. 30 проживал китаец Любо-нянь [18. Л. 50]. В 1910 г. на улице Миллионной, д. 10 проживал китайский торговец Ван-сюе-шунь [18. Л. 54].

В начале XX в. в Томской губернии и в г. Томске стали производить учет китайских подданных. И это было не случайно. Дело в том, что до начала Русско-японской войны китайских подданных не подозревали в шпионской деятельности, региональный механизм в сфере борьбы с разведкой только начинал формироваться, никто за китайскими подданными в Томске и в губернии пристально не следил и тем более не выделял в особую национальную группу. После окончания Русско-японской войны иностранные разведки начали проявлять активный интерес к азиатской части России, в том числе и к Западной Сибири. Географические описания и карты приграничных районов с Китаем (Степного края и Томской губернии) были засекречены, а потому иностранцы пытались составить свои. Массированную разведку в Сибири вела Япония, а китайцев первоначально стали подозревать в работе на японскую развед-

ку [19]. Именно поэтому в Сибири и, соответственно, в г. Томске стали вести точный учет прибывающих китайских подданных.

Китайцы часто бывали в Томске. Например, по мнению начальника Томского ГЖУ, только с 14 апреля по 31 мая 1910 г. из Томска, Иркутска и Новониколаевска в Омск железной дорогой проследовало 8 партий «желтолицых», которые могли иметь причастность к шпионажу [19].

Было их достаточно и среди местного населения. Так, например, известным в г. Томске в начале XX в. стало «дело о цветочниках». Было обнаружено, что практически во всех городах Западной Сибири обосновались десятки корейских и китайских ремесленников, занимавшихся изготовлением и продажей искусственных цветов. Причем большинство цветочников появилось в городах Омске и Томске осенью 1909 г. [19]. Проанализировав характер расселения «цветочников», пришли к выводу, что «желтолицые» стремились поселиться ближе к линии Сибирской железной дороги с целью разведки и порчи ее [19].

В 1910 г. в Томске активно разыскивали лиц, проживавших по чужим документам. Для получения русского билета необходимо было предоставить национальный паспорт с визой российского консульства или пограничного комиссара. Но китайцы обычно подавали чужие паспорта. Причем паспорта были без перевода на русский язык имени и фамилии. Все они подлежали высылке за границу для отбытия наказания [20. Л. 12]. Российский вице-консул в г. Чифу 1 июня 1910 г. также сообщал в Томское губернское управление, что среди китайцев практикуется передача и перепродажа паспортов, а также проживание китайцев по чужим видам [20. Л. 11].

Например, в мае 1910 г. китайский подданный Нин-хай, проживавший в Томске в пер. Колпашевском (ныне ул. Рузского), д. 10, и Чан-фа, проживавший в Томске на ул. Тверской, д. 1, представив национальные паспорта, ходатайствовали о выдаче им русских билетов. В российское вице-консульство в г. Чифу сделали запрос о подлинности паспортов. Оказалось, что паспорта, представленные китайцами Нин-хай и Чан-фа, были выданы на имена китайцев Лиу-цзин-хи и Му-цзы-ли. Оба они были высланы на родину для отбывания наказания. 15 августа 1910 г. с выданными пропусками они выехали из Томска в Иркутск. Нин-хай, доехав до г. Иркутска, получил паспорт от своего товарища китайского подданного Че-о-хун, выданный иркутским губернатором, и вернулся обратно в г. Томск. За самовольное возвращение в Россию и проживание по чужому виду его посадили в тюрьму [21. Л. 18].

В мае того же года китайский подданный Ли-фа, проживавший в г. Томске в пер. Никольском (ныне пер. Комсомольский), д. 2, обратился в Томское губернское управление с ходатайством о выдаче русского билета, предоставив при этом национальный паспорт без перевода на русский язык имени и фамилии владельца. При этом он предоставил старый билет, где был подделан чернилами возраст. Он также не соответствовал приметам, указанным в билете. В самом паспорте ни имени, ни звания, ни фамилии, ни возраста владельца паспорта не было указано. 30 августа он уехал в Красноярск [21. Л. 22].

В июле 1910 г. китайский подданный Ли-ха, проживавший в г. Томске в пер. Никольском, д. 2, обратился в Томское губернское управление с ходатайством о выдаче ему русского билета. Оказалось, что паспорт был выдан на имя Ма-вей-ки. Следовательно, подозрения заключались в том, что китайский подданный мог иметь причастность к целям разведки [22. Л. 17].

Осенью 1912 г. оживилась работа китайской агентуры. Стало очевидным заблуждение о пассивности китайской разведки вследствие ослабления центральной власти в самом Китае после Синхайской революции 1911 г. Наоборот, из-за усиления сепаратистских настроений в Синьцзяне и Монголии президент Китая Юань Шикай, нуждавшийся в достоверной информации, стал периодически отправлять группы своих офицеров на сбор сведений о русских войсках, расположенных на границе с Монголией, на Алтае, а также в Тарбагатае. Вновь китайцы оказались под пристальным вниманием властей [19].

Именно поэтому в г. Томске пытались тщательно следить за каждым китайцем, так как в этот город и в этот период они часто приезжали на жительство. По большей части это были торговцы. Причем зачастую они образовывали устойчивые группы и даже проживали на одной улице и в одном доме. Например, в период 1911–1913 гг. на жительство в г. Томск приехали 4 китайских торговца: в 1911 г. Кун-чжао-чень, Лу-ли-чень в 1912 г., Хан-да-хуа в 1912 г. и Хя-фын-чжунь в 1913 г. Все они проживали на ул. Миллионной, д. 10 [18. Л. 54].

Основания для подозрений о причастности китайцев к японской и китайской разведке изменились в 1914 г., когда началась Первая мировая война. Теперь контингент подозреваемых, а значит арестованных и высланных, определялся не наличием компрометирующих сведений, а национальной принадлежностью. Именно поэтому все китайцы, находившиеся на территории империи,

попали в число подозрительных [19]. Обычно китайцев рассматривали в России как вероятных агентов японской разведки, но с началом войны китайцев стали рассматривать в качестве потенциальных германских диверсантов и разведчиков. Власти пытались препятствовать их проживанию в полосе железных дорог. А жандармерия и общая полиция были обязаны установить тщательное наблюдение за китайцами с целью выяснения их истинных занятий [19].

Поэтому подозревали и арестовывали всех подряд. Например, 2 августа 1914 г. в Томское губернское управление поступило прошение китайского купца Хан-дэ-чжуня, проживавшего в Томске. Он приехал в Томскую губернию со своими рабочими торговать шелком, чечунчой и другими товарами и остановился для торговли в г. Новониколаевске, где ходили торговать по домам его рабочие. В августе того же года его рабочие Ха-дэ-хя, Джу-кю-су и Чжо-джу-хоэ были арестованы вместе с товаром. Во время ареста Хан-дэ-чжунь ездил за покупкой товара в Москву. Он также сообщал, что в Новониколаевске у него было еще 8 рабочих, которые торговали его товаром. Он просил рассмотреть дело и освободить рабочих, так как они ни в чем подозрительным замечены не были. Оказалось, что они были арестованы на разъезде Сибирской железной дороги вблизи станции Тайга [23. Л. 72].

Вообще, с началом войны количество приехавших в г. Томск китайцев увеличилось. Например, только в декабре 1914 г. в район 1-го и 3-го полицейских участков г. Томска прибыли 24 китайских подданных. Они в основном проживали на улицах: Монастырский луг (ныне ул. Заливная), Солдатской (ныне ул. Красноармейская), Набережной реки Ушайки, в переулках: Шумихинском, Никольском, Орловском, Аптекарском, Протопоповском (ныне пер. Пионерский). Среди них были торговцы, рабочие, часовые мастера, цветочники, а также те, кто работал в прачечных и занимался набивкой папирос [18. Л. 45].

В 1915 г. численность китайцев увеличилась, и уже в январе 1915 г. только в район 1-го участка полицейского управления г. Томска на жительство приехали 11 китайских подданных: Ле-зын-чусу, Кон-ди-фу, Го-лун-цзянь, Юй-си-энь, Ли-сунь-шули, Че-юн-се, Киси-ан-сами (возможно, не был ханьцем), Ю-зя-ды, Лю-шинь-инь, Лю-фа, Ле-зын-чжу [18. Л. 40].

В последующие годы войны после отмены ограничений на использование китайского труда началось его широкое использование на предприятиях Центральной и Западной Сибири. В 1916–

1917 гг. значительное число китайских рабочих завезли на предприятия в Центральную и Западную Сибирь [7]. Исключением не был и г. Томск. В то время можно было наблюдать все большее их сплочение. Теперь китайцы проживали уже не большими группами и общинами, селились близко друг к другу. В 1916 г. в г. Томск прибыло значительное количество китайских подданных. Например, в 1916 г. вид на жительство в Благовещенском переулке и на Татарской улице получили трое китайских подданных, приехавших на заработки. И все они проживали примерно на одних и тех же улицах и даже в одних и тех же домах. Так, в г. Томске проживал китаец Цзэн-юй-шань в пер. Благовещенском (ныне пер. Батенькова), д. 6, там же проживал и китаец Чинь-шин-шунь. На ул. Никольской, д. 31 проживали Ли-син-фу, Ту-хун-па. На ул. Лермонтовской – Конь-Дюни (возможно, не был ханьцем), Чжалань дао-фу, Го-лун-Цзянь, Чжан-дя-шань. Жили они и на других улицах г. Томска. Например, в 1916 г. на ул. Мухинской, д. 2, кв. 11 жил китаец Ван-чин-цай. На ул. Пожарской, д. 53 проживал китайский подданный Чау-шунь. В целом, в 1916 г. в Томск приезжали торговцы, рабочие и др. [18. Л. 25]. Прибывали они и в 1917 г. Например, в 1917 г. на жительство в Томск приехал китаец Лю-шунь-лай, который проживал в пер. Орловском, д. 10 [18. Л. 25].

Китайцы, проживавшие в начале XX в. в России и Томске, носили традиционную одежду, прическу, сохраняли традиционный рацион питания, не меняли религиозных взглядов и общественно-политических установок. Именно поэтому местные власти настороженно относились к китайским подданным [7].

Что касается принятия русского подданства, то китайцы редко проявляли такое желание, а российские власти неохотно давали его китайцам [7]. Однако иногда они все же пытались его получить. Например, проживавший в Томске в пер. Уржатском (пер. Кононова), д. 1 китаец Хань-ю пытался в 1906 г. вступить в русское подданство. Хань-ю предоставил в разное время в Томское губернское управление три национальных паспорта. Первый паспорт был выдан на имя Дайцинского подданного Сюй-Лань-Шань, второй – на имя Монэй-цю, а в третий раз он отправил не до конца заполненный паспортный бланк. Подозревали его в деятельности, причастной к разведке. За ним было установлено негласное наблюдение. За проживание же по чужому виду он подлежал высылке в Китайскую империю. Выслать его не могли долго. 3 ноября 1911 г. он, в конце концов, выехал в Чи-

ту. Но, по сообщению Военного губернатора Забайкальской области, китайский подданный Ханью в г. Чите обнаружен не был [24. Л. 50].

Вообще, некоторая часть китайских мигрантов по разным причинам принимала православие и русское подданство, но крестились те из них, кто долгое время прожили среди русских и планировали связать свою дальнейшую жизнь с Россией. Часто это было обусловлено женитьбой на русских женщинах [7]. Так, например, в 1909 г. в Томске на ул. Мухинской проживал китайский подданный Лю-бо-нянь (в святом крещении – Петр Михайлович). У него были русская жена Елена Васильевна и дочь Антонина [18. Л. 50]. В 1914 г. на Монастырской улице проживал китаец Ян-цзин-ли (в святом крещении – Василий), который вступил в брак с русской женщиной по имени Лукия [18. Л. 54]. В 1915 г. на ул. Солдатской, д. 85 проживал китайский подданный Чжань-Чень-цзянь, в святом крещении – Андрей [18. Л. 40]. В 1917 г. в пер. Орловском, д. 10 проживал китаец Лю-шунь-лай, который тоже был православным [18. Л. 25].

После Февральской революции 1917 г. и во время Гражданской войны большая часть китайцев попыталась вернуться на родину. Однако военные действия помешали этому, и большая часть китайцев застряла в Сибири [7]. В г. Томске в этот период китайское население постоянно пополнялось. Так, в феврале 1917 г. уже 10 китайцев в возрасте от 20 до 50 лет получили вид на жительство. Проживали они по улицам Мухинской, Лермонтовской, Никольской, занимались торговлей и мелким ремеслом. Некоторые из них уже ранее проживали в других сибирских городах [25. Л. 2].

Как вспоминают томичи, китайцев в этот период было много. И исчислялись они уже сотнями. Например, по сведениям В.Р. Клеера, студента технологического института, они содержали прачечные, швейные и обувные мастерские [26. С. 26].

В условиях революционного кризиса китайские граждане при поддержке российских властей стали создавать органы самоуправления, отчасти заменившие официальные представительства Китайской Республики. В апреле 1917 г. в Петрограде был создан Союз китайских граждан в России во главе с Лю Цзэжуном, который был преобразован в конце 1918 г. в Союз китайских рабочих (СКР). С восстановлением советской власти в Сибири во всех крупных городах стали учреждаться отделения СКР [7]. В начале 1920 г. его отделение открылось и в г. Томске. Согласно его уставу в члены Союза принимались рабочие фабрик и за-

водов, ремесленных предприятий, а также учащиеся. Для исполнения постановлений Союза даже избирался исполком [27. Л. 17].

В 1925 г. Томская губерния прекратила свое существование, а история китайской миграции вышла на новый этап развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
2. Дацзышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. 306 с.
3. Бойко В.С. Китайские общины в Западной Сибири в 1920–1930-е годы: социально-политическая характеристика // Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unl-altai.ru/Resources/orient/proj/Chinese.html>, свободный (дата обращения: 15.04.2013)
4. Рыбак М.А. Китайская диаспора в полиэтнической среде ТПУ // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Томск, 2003. С. 116–118.
5. Локишина О.В. Китайские студенты за рубежом в контексте образовательных реформ в КНР // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Томск, 2003. С. 146–147.
6. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1: 1608–1683. М.: Наука, 1969 // Восточная литература [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600–1620/Rus_kit1/index.htm, свободный (дата обращения: 21.07.2013).
7. Дацзышен В.Г. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке // Энциклопедия Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiasib.ru/kitaicy-V-sibir-I-na-dalnem-vostoke>, свободный (дата обращения: 22.07.2013).
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000180712/000180712.djvu>, свободный (дата обращения: 5.10.2012).
9. 1864 г., сентября 25. – Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы // Русско-китайские отношения 1689–1916. Офиц. документы. М., 1958, С. 46–49.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2112.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3041.
12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 120.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1127.
14. Венюков. М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии // Электронная библиотека «КнигаФонд» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/50622>, свободный (дата обращения: 23.04.2013).
15. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158.
16. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3348.
17. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3448.
18. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3964.
19. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпионomanия и реальные проблемы // Военная литература [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/grekov/index.html>, свободный (дата обращения: 1.10.2012).
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6446.

21. ГАТО. Ф.3. Оп. 5. Д. 162.

22. ГАТО. Ф.3. Оп. 5. Д. 151.

23. ГАТО. Ф.3. Оп.70. Д. 1176.

24. ГАТО. Ф.3. Оп. 2. Д. 6625.

25. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 4038.

26. Клеер В.Р. «Мы жили очень дружно с ними...» // Сибирская старина. 2003. № 23. С. 56–57.

27. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 26.